РАССКАЗЫ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1937

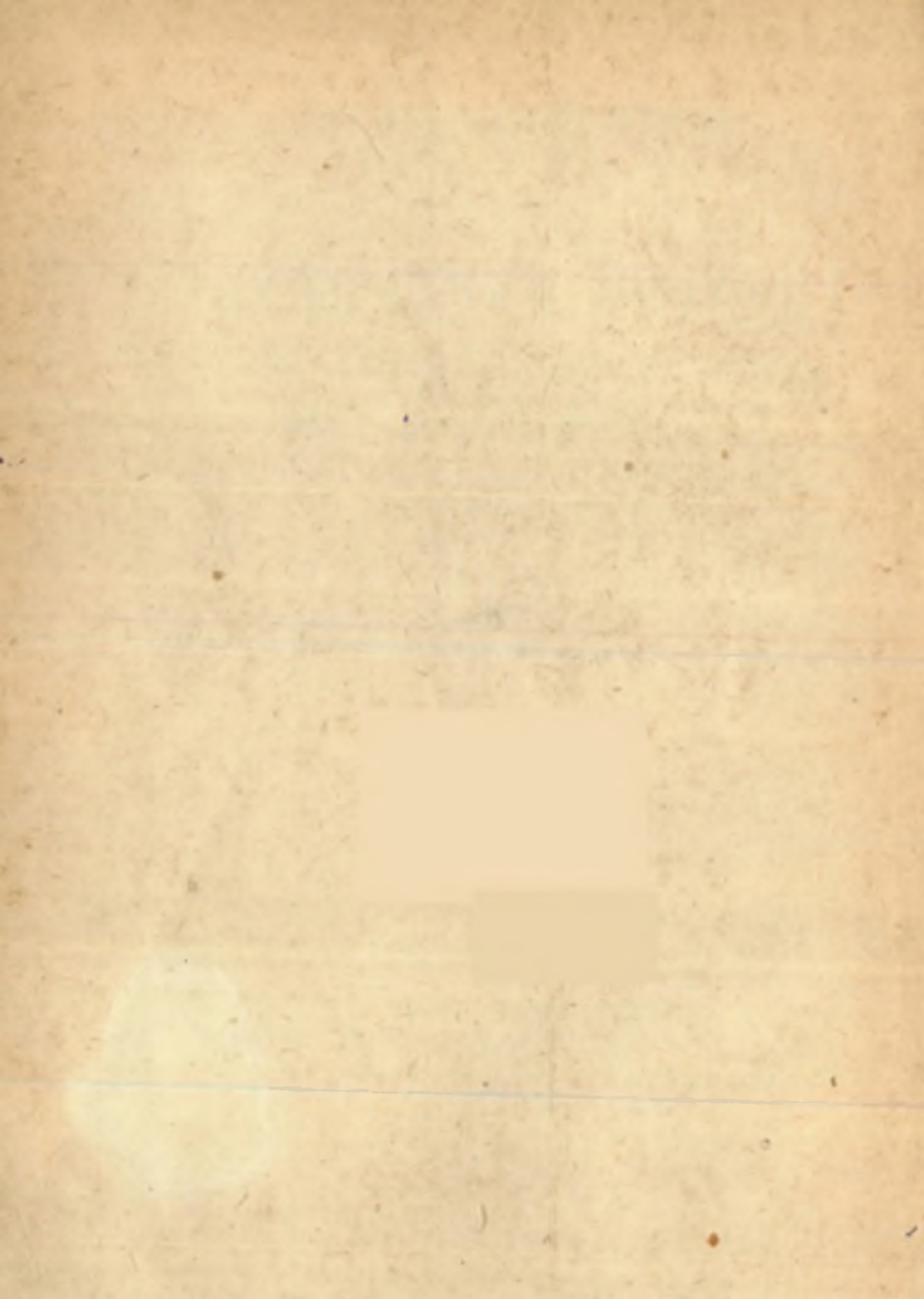
АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

Перевод с английского
ВАЛ. СТЕНИЧА

Рисунки художника
А. РЕПНИКОВА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

АРТУР КОНАН-ДОЙЛЬ

(1859—1930)

Молодой доктор только что получил свой диплом, открыл маленький кабинет и стал ждать пациентов. Но пациенты не появлялись. Доктор ожидал их с нетерпением.

«Чуть ли не в сотый раз он принялся переставлять вещи на своем письменном столе. На самом видном месте он положил медицинский словарь, чтобы случайный пациент вынес такое впечатление, что он всегда окружен лучшей литературой. Большая счетная книга, журнал и книга для записи больных лежали пе-

ред ним на столе. Но так как ни одна из них еще не была в деле, и их переплеты казались слишком новыми и блестящими, он долго тер их одну о другую и покапал на них чернилами. Нехорошо было бы также, если бы пациент заметил, что его имя первым вносится в книгу; поэтому доктор заполнил первые страницы каждой из этих книг заметками о воображаемых больных, якобы посетивших его в течение последних недель. Покончив со всем этим, он сел, оперся на стол локтями, и снова потянулись ужасные часы ожидания».

Этого молодого врача английский писатель Конан-Дойль в одном из своих рассказов назвал Вилькинсоном. Но под именем Вилькинсона он изобразил самого себя. Молодой врач все ждал и ждал, но пациенты не появлялись. Тогда, чтобы заполнить как-нибудь часы томительного ожидания и заработать хоть немного денег, он попробовал написать рассказ.

Он с детства любил страшные детективные рассказы — рассказы, в которых сыщик по мельчайшим деталям и по случайным, казалось бы, незначительным фактам восстанавливает сложную картину преступления. Самое главное в таком рассказе — это цепь остроумных догадок и выводов, которые приводят сыщика к цели. Американский писатель Эдгар По был замечательным мастером детективного рассказа. В этом жанре решил попробовать свои силы и неудачливый врач: Эдгар По был его любимым писателем.

Конан-Дойлю ясно представился образ его героя. Он хорошо помнил те годы, когда учился в школе, в Эдинбурге. Там у него был учитель Джо Бэлл, человек «с ястребиным лицом», который любил поражать своих учеников исключительной наблюдательностью и умением делать правильные выводы из самых неприметных фактов. Этого учителя в первом же рассказе изобразил Конан-Дойль; он дал ему имя Шерлок Холмс.

Конан-Дойль оказался талантливым продолжателем Эдгара По: он стал одним из лучших мастеров детективного рассказа. Неистощимая выдумка, острая на-

блюдательность, отличное уменье построить сложную цепь заключений, — вот за что полюбили читатели рассказы Конан-Дойля.

В одном из рассказов писатель распрощался со своим героем; знаменитый сыщик, борясь с преступником, свалился в пропасть и погиб.

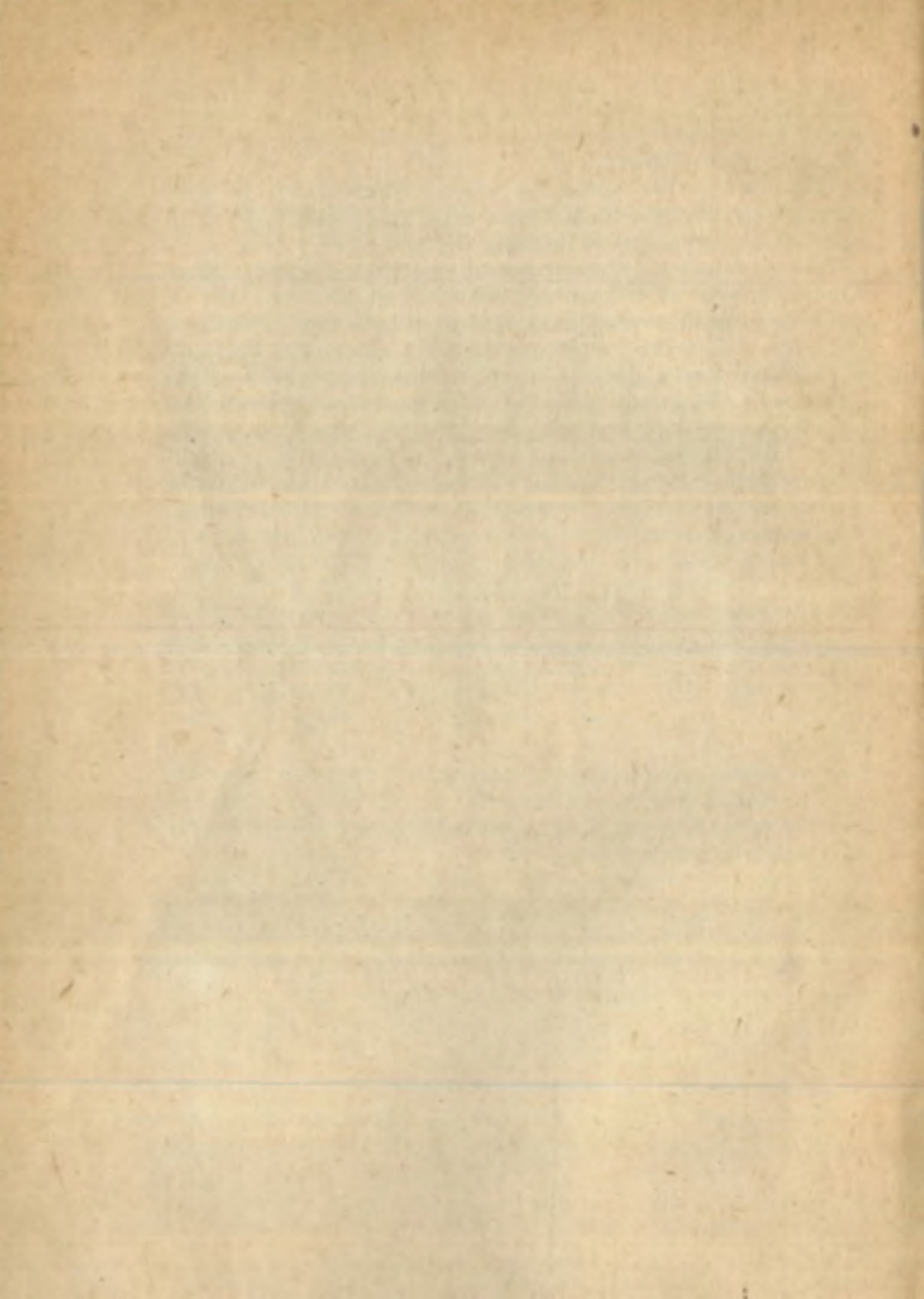
Но читатели не хотели помириться со смертью Шерлока Холмса. И через несколько лет, написав много других книг, Конан-Дойль воскресил своего любимого сыщика. Читатели снова встретили знакомую фигуру в «Собаке Баскервилей» и в сборнике рассказов «Возвращение Шерлока Холмса». Во всех этих рассказах Конан-Дойль, как и прежде, защищал буржуазную мораль. Он защищал капиталистический строй. И не только в своем творчестве. Он участвовал в трех империалистических войнах: врачом — в суданской кампании, корреспондентом — во время англо-бурской войны и пропагандистом — в мировой войне 1914—1918 годов.

Чем больше писал Конан-Дойль о Шерлоке Холмсе, тем бледней становились его рассказы: в них не было прежней свежести. Писатель чувствовал это. Он сам рассказывает, как один лодочник признался ему:

«Я думаю, сэр, когда Холмс упал с этой скалы, он, может быть, и не убился насмерть, но повредился изрядно».

Это было справедливое замечание. Лучшее, что написал Конан-Дойль, он написал в те годы, когда не считал себя писателем и думал, что настоящая его специальность — медицина.

М. Гершензон

ГОЛУБОЙ КАРБУНКУЛ

Я зашел к моему другу Шерлоку Холмсу на второй день рождества, чтобы поздравить его с праздником. Он полулежал на диване, одетый в красный халат; справа от него — так, что он мог дотянуться до них не вставая, — лежали трубки и ворох измятых утренних газет, которые он, как видно, только что просматривал. Около дивана стоял деревянный стул, на спинке которого висела ветхая и весьма неопрятная шляпа-котелок, сильно изношенная и продавленная в нескольких местах. Лупа и пинцет, лежавшие на стуле, свидетельствовали о том, что котелок только что подвергался тщательному осмотру.

— Вы заняты? — сказал я. — Быть может, я вам помешал?

— Нисколько! Я рад, что мне есть с кем поделиться результатами осмотра. Дело это — очень обыкновенное (он указал на котелок), но есть в нем некоторые не лишенные интереса и, пожалуй, даже поучительные детали.

Я уселся в кресло и стал греть руки перед потре-

скивавшим камином, так как на дворе была стужа и окна были покрыты толстым слоем льда.

— По всей видимости, — заметил я, — несмотря на неказистый вид этого котелка, с ним связана какая-нибудь зловещая история. Вероятно, он — ключ к раскрытию какой-то тайны?

— Нет, нет! Преступления не было, — сказал Шерлок Холмс, смеясь. — Это всего лишь один из тех незначительных, забавных случаев, которые неизбежны, когда вы имеете дело с четырьмя миллионами человеческих существ, скучившихся на пространстве в несколько квадратных миль. В этой вечно оживленной толпе всегда возможно любое сплетение обстоятельств; нас на каждом шагу ждет какая-нибудь загадка — запутанная и странная, но ничего общего с преступлением не имеющая. Нам с вами уже приходилось наталкиваться на такие загадки.

— Это верно, — заметил я. — Из шести последних дел, занесенных в мои записки, три не имели ничего общего с тем, что закон называет преступлением.

— Вот именно! Я уверен, что и этот ничтожный случай относится к той же невинной категории. Вы знаете посыльного Петерсона?

— Да.

— Этот трофей принадлежит ему.

— Это его шляпа?

— Нет, нет. Он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Я прошу вас относиться к ней не как к старому колпаку, но как к серьезной проблеме. Но сперва — как она сюда попала? Она появилась рождественским утром вместе с отличным, жирным гусем, который в настоящий момент, несомненно, жарится на петерсоновой кухне. Факты таковы. Около четырех часов ночи, в канун рождества, Петерсон — очень порядочный, как вам известно, парень — возвращался домой с какой-то скромной пирушки по улице Тоттенхэм-Корт. При свете газовых фонарей он увидел перед собой высокого человека, который шел, чуть пошатываясь и неся на плече белого гуся. На углу улицы Гудж к этому человеку пристало несколько уличных хулиганов. Завяза-

лась потасовка, и один из хулиганов сбил с незнакомца шляпу; защищаясь, тот замахнулся палкой и нечаянно разбил витрину лавки. Петерсон ринулся на помощь, но незнакомец, испуганный тем, что разбил стекло, и увидев бегущего к нему человека в форме, уронил гуся, бросился наутек и исчез в лабиринте узких уличек, примыкающих к Тоттенхэм-Корт. Хулиганы тоже разбежались при виде Петерсона, так что за ним осталось поле битвы, а также трофеи: продавленный котелок и великолепный рождественский гусь.

— Которого он, конечно, вернул владельцу?

— Дорогой мой друг, в этом-то и загвоздка! Правда, на кусочке картона, привязанном к левой лапе птицы, было написано «Миссис Генри Бэкер»; те же инициалы «Г. Б.» оказались на подкладке котелка. Но в нашем городе есть несколько тысяч Бэкеров и несколько сот Генри Бэкеров, поэтому не так-то легко вернуть утерянную одним из них собственность.

— Что же, в таком случае, сделал Петерсон?

— Зная, что я интересуюсь даже самыми ничтожными проблемами, он наутро принес и котелок и гуся мне. Гуся мы держали до сегодняшнего утра, пока не пришли к выводу, что, несмотря на легкий мороз, было бы желательно по некоторым признакам съесть его как можно скорее. Поэтому Петерсон унес его с собой, чтобы гусь выполнил последнее свое назначение, а я продолжаю хранить котелок, принадлежащий джентльмену, который лишился рождественского обеда.

— Он не помещал объявления в газете?

— Нет.

— Какие же у вас данные, чтобы установить его личность?

— Только те, что мы можем вывести из наблюдений.

— Над его шляпой?

— Вот именно!

— Вы шутите! Что вам может дать эта старая продавленная шляпа?

— Вот вам лупа. Мой метод вам известен. Что вы можете сказать о личности человека, носившего эту вещь?

Я взял в руки потрепанный головной убор и перевернул его не без некоторой жалости. Это был самый обыкновенный круглый черный котелок, жесткий и сильно поношенный. Красная шелковая подкладка сильно вылиняла. Как уже заметил Холмс, на ней были нацарапаны инициалы «Г. Б.». На полях я заметил дырочку для резинки, которая должна придерживать шляпу, но сама резинка отсутствовала. Котелок был продавлен в нескольких местах, очень измят и весь в пятнах, хотя владелец его, по всей видимости, пытался скрыть эти пятна, замазывая их чернилами.

— Я ничего не вижу, — сказал я, возвращая шляпу моему другу.

— Напротив, Ватсон, вы видите все. Но вы не хотите выводить заключения из того, что вы видите. Вы чересчур робки, вы боитесь делать выводы.

— Скажите, пожалуйста, какие выводы можно сделать из осмотра этой шляпы?

Он поднял шляпу и взглянул на нее со свойственной ему проницательностью.

— Конечно, она могла бы иметь и более явственные признаки, — заметил он, — и все же у нее есть некоторые совершенно очевидные особенности. Что владелец ее вполне интеллигентный человек, совершенно ясно, как и то, что года три назад его дела шли отлично, хотя в настоящее время ему приходится туго. Теперь он менее предусмотрителен, чем прежде, что указывает на некоторое нравственное падение и вместе с упадком благосостояния говорит о том, что он предался какому-то пороку, вероятнее всего — пьянству. Далее, можно считать несомненным, что его разлюбила жена.

— Но, дорогой мой Холмс...

— Тем не менее он сохранил некоторую долю самоуважения, — продолжал Холмс, не обратив внимания на мой протест. — Этот человек ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом, средних лет, седоватый, на-днях был у парикмахера, мажет волосы помадой. Вот основные выводы, которые можно сделать из осмотра этой шля-

пы. Кстати, весьма мало вероятно, что в доме, где он живет, проведено газовое освещение.

— Вы, конечно, шутите, Холмс?

— Нисколько! Неужели же даже теперь, когда я поделился с вами всеми результатами осмотра, вы неспособны понять, каким образом я их добился?

— Я, несомненно, очень тупой человек. И, признаюсь, я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Ну, например, откуда вы взяли, что он интеллигентный человек?

Вместо ответа Холмс надел котелок на голову. Тот сполз ему на лоб и уперся в горбинку носа.

— Это вопрос кубатуры, — сказал он. — Когда у человека такой большой череп, должно же в этом черепе что-нибудь быть?

— Ну, а упадок благосостояния?

— Этому котелку три года. Как раз три года назад были в моде плоские поля с загнутыми краями. Шляпа — лучшего качества. Взгляните хотя бы на эту шелковую ленту или на превосходную подкладку. Если этот человек мог себе позволить роскошь купить такой котелок три года назад и с тех пор не покупал новой шляпы, то ясно, что дела его пошли значительно хуже.

— Это, пожалуй, верно. Ну, а предусмотрительность и нравственное падение?

— Вот вам предусмотрительность, — сказал он, указывая пальцем на дырочку и петлю от резинки. — Вместе с шляпами эти резинки не продаются. Если владелец котелка велел прикрепить резинку, то это указывает на некоторую предусмотрительность: он хотел обезопасить себя на случай ветреной погоды. Но так как мы видим, что резинка оборвалась, а владелец шляпы не позаботился приобрести новую, то, стало быть, он в настоящее время менее предусмотрителен, чем был раньше; это говорит о том, что человек опустился. С другой стороны, он неоднократно делал попытки замазать пятна на котелке чернилами, а это признак того, что он не окончательно потерял самоуважение.

— Ваши рассуждения не лишены убедительности.

— Дальнейшие пункты — что он человек средних лет, что он седеет, что он недавно стригся и что он употребляет помаду — подтверждаются внимательным осмотром нижней подкладки. В лупу можно разглядеть множество кончиков волос, аккуратно срезанных парикмахерскими ножницами. Волоски прилипли к подкладке, от которой к тому же сильно пахнет помадой. Пыль, как видите, не похожа на зернистую серую уличную пыль; это свалявшаяся коричневая, домашняя пыль. Значит, этот котелок по большей части висит дома на вешалке. А влажные пятна на подкладке указывают на то, что владелец котелка сильно потеет и, стало быть, очень мало двигается.

— Но жена... Вы сказали, что его разлюбила жена.

— Эту шляпу не чистили несколько недель. Если когда-нибудь я увижу вас, мой милый Ватсон, в шляпе, на которой накопилась пыль за целую неделю, и ваша жена позволит вам выйти на улицу в таком виде, я решу, что вы, к несчастью, потеряли любовь вашей жены.

— Может быть, он холост.

— Нет. Ведь он нес жене гуся в знак примирения. Вспомните карточку на лапе гуся.

— У вас на все найдется ответ. Но откуда вы взяли, что в его доме нет газового освещения?

— Одно сальное пятно, даже два сальных пятна — это случайность. Но когда передо мной по крайней мере шесть пятен, то, по-моему, не может быть сомнения в том, что этому человеку часто приходится иметь дело с сальными свечами. Вероятно, он ночью поднимается по лестнице с шляпой в одной руке и оплывающей свечой — в другой. Не может же быть сальных пятен от газового рожка! Ну, вы удовлетворены?

— Что же, все это очень остроумно, — рассмеялся я, — но так как, по вашим же словам, тут никто не совершил преступления и никто не потерпел ущерба, — разве только человек, потерявший гуся, — то все, что вы проделали, кажется мне пустой тратой энергии.

Шерлок Холмс только что открыл рот, чтобы возра-

зить мне, как вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетел посыльный Петерсон; его щеки пылали, и он казался совершенно потрясенным.

— Гусь-то, мистер Холмс! Гусь-то! — прохрипел он.

— А что с ним? Ожил и вылетел в окно кухни? — Холмс повернулся на диване, чтобы получше разглядеть возбужденное лицо посыльного.

— Посмотрите, сэр! Посмотрите, что моя жена нашла у него в зобу!

Петерсон протянул руку. На ладони у него лежал ослепительно сверкающий голубой камень величиной чуть поменьше боба, но такой чистоты и блеска, что, казалось, на темной ладони горит электрическая лампочка.

Шерлок Холмс свистнул и присел на край дивана.

— Клянусь Юпитером[1], Петерсон, — сказал он, — вы нашли клад. Надеюсь, вы знаете, что это такое?

— Бриллиант, сэр! Драгоценный камень! Он режет стекло, как масло.

— Это не просто драгоценный камень. Это *тот самый* драгоценный камень.

— Неужели голубой карбункул графини Моркар? — воскликнул я.

— Вот именно! Как мне не знать его величины и формы, когда я в последнее время каждый день читал в «Таймсе» объявления о нем! Этот камень не имеет себе равных, стоимость его можно определить только приблизительно, но во всяком случае вознаграждение в тысячу фунтов, назначенное тому, кто найдет его, не составляет и двадцатой части его цены.

— Тысяча фунтов! Милостивый боже! — посыльный повалился в кресло и тупо смотрел то на меня, то на Холмса.

— Таково вознаграждение, но у меня есть все основания предполагать, что у графини есть особые, скрытые причины, в силу которых она охотно рассталась бы с половиной своего состояния, лишь бы ей вернули этот камень.

---

[1] Юпитер — верховный бог у древних римлян.

— Он пропал, если я не ошибаюсь, в отеле «Космополитэн», — заметил я.

— Совершенно верно. Двадцать второго декабря, ровно шесть дней назад. Паяльщик Джон Хорнер был обвинен в том, что он украл его из футляра. Улики против него столь тяжки, что дело передано в суд. У меня даже, кажется, есть отчет об этом деле.

Он принялся рыться в газетах. Наконец, выудил одну из них, сложил ее вдвое и прочел следующую заметку:

«Кража драгоценностей в отеле «Космополитэн». Джон Хорнер, 26 лет, паяльщик, обвиняется в том, что 22-го сего месяца он украл из футляра принадлежащий графине Моркар драгоценный камень, известный под названием «голубой карбункул». Джеймз Райдер, старший слуга в отеле, показал, что в день кражи он привел Хорнера в уборную графини с тем, чтобы тот укрепил расшатавшийся прут железной решетки. Райдер некоторое время пробыл вместе с Хорнером в комнате, но потом его вызвали в другой номер. Вернувшись, он обнаружил, что Хорнера нет, бюро графини взломано, а маленький сафьяновый футляр, в котором графиня, как выяснилось впоследствии, держала камень, лежит пустой на туалетном столе. Райдер немедленно оповестил полицию, и Хорнер был арестован в тот же вечер; однако, камень не был найден ни у него, ни в его квартире. Кэтрин Косэк, горничная графини, показала, что, услышав отчаянный крик, она вбежала в комнату и нашла все в том виде, как описал Райдер, обнаруживший пропажу. Брэдстрит, инспектор округа, сообщает, что при аресте Хорнер отчаянно отбивался и в сильнейших выражениях доказывал полную свою непричастность к краже. Ввиду того, что задержанный, как выяснилось, уже ранее был осужден за кражу, дело передано в суд присяжных. Хорнер, во время следствия выказавший сильнейшее волнение, выслушав постановление о предании его суду, упал в обморок и был вынесен из камеры следователя».

— Хм! Вот и все, что касается следствия, — задумчиво сказал Холмс, бросая газету. — Теперь нам пред-

стоит проследить всю цепь событий с футляром для драгоценности на одном конце и с зобом гуся, подобранного на улице Тоттенхэм-Корт, — на другом. Вот видите, Ватсон, наши скромные выводы неожиданно приняли гораздо более серьезный и менее невинный вид. Вот камень, камень извлекли из гуся, а гусь принадлежал мистеру Генри Бэкеру, джентльмену в скверном котелке, характеристикой которого я вам так надоел. Мы должны серьезно заняться поисками этого джентльмена и установить, какую роль он играл в таинственном происшествии. Прибегнем сначала к самым простейшим способам. Несомненно, простейший из них — дать объявление во все вечерние газеты.

— Что же вы напишете?

— Дайте мне карандаш и клочок бумаги. Итак: «Найдены на углу улицы Гудж гусь и черный котелок. М-р Генри Бэкер может получить означенные предметы сегодня в 6.30 вечера на улице Бэкер, 221б». Коротко и ясно.

— Вполне. Но прочтет ли он объявление?

— Он, несомненно, просматривает все газеты, — для бедного человека потеря была довольно чувствительная. Он, очевидно, был так напуган разбитой витриной и приближением Петерсона, что думал в тот момент только о бегстве; но вслед за тем он, должно быть, очень пожалел, что поддался страху и бросил птицу. Кроме того, мы называем его по имени и фамилии, так что любой знакомый обратит его внимание на наше объявление. Ну-ка, Петерсон, сбегайте в бюро объявлений и поместите это в вечерних газетах.

— В каких, сэр?

— Да во всех, какие вам придут на память.

— Слушаюсь, сэр. А как быть с камнем?

— Ах, да! Камень я пока оставлю у себя. Спасибо! И, кстати, Петерсон, купите на обратном пути гуся и принесите его сюда — надо же дать этому джентльмену гуся взамен того, которым в настоящий момент лакомится ваша семья.

Когда посыльный ушел, Холмс взял камень и поднес его к свету.

— Недурная штучка, — сказал он. — Поглядите, как он сверкает и искрится. Разумеется, он притягивает к себе преступников, точно магнит, как и всякий хороший драгоценный камень. У старинных крупных драгоценных камней каждая грань может рассказать о кровавых делах. Этому камню нет еще и двадцати лет. Он найден на отмели реки Амой в Южном Китае и замечателен тем, что обладает всеми свойствами карбункула. Но сверх этого он не кроваво-красного цвета, а голубого. Несмотря на его молодость, он уже имеет мрачную биографию. Из-за этого кусочка кристаллизованного древесного угля весом в сорок гран[1] совершено два убийства, одно самоубийство, несколько грабежей. и кого-то облили серной кислотой. Кто бы мог подумать, что эта хорошенькая игрушка способна приводить людей к виселице и тюрьме? Я запру камешек в несгораемый ящик и напишу графине, что он находится у меня.

— Вы думаете, что этот Хорнер ни при чем?

— Ничего не могу сказать.

— Тогда вы, вероятно, полагаете, что к этому делу причастен тот, другой человек, — Генри Бэкер?

— Генри Бэкер скорее всего невинен, как младенец, и понятия не имеет о том, что гусь, которого он нес домой, стоит значительно дороже, чем если бы он был сделан из чистого золота. В этом, впрочем, мы сможем легко убедиться, если Бэкер откликнется на наше объявление.

— А до тех пор ничего нельзя предпринять?

— Ничего.

— В таком случае я займусь своими делами, а вечером явлюсь в назначенный вами час, потому что мне очень хочется знать, чем кончится это запутанное дело.

— Буду очень рад. Я обедаю в семь. Кажется, к обеду будет куропатка. Кстати, ввиду недавних событий не попросить ли миссис Гудсон, чтобы она хорошенько осмотрела зоб у этой птицы?

---

[1] Гран в аптекарском весе—0,0622 грамма.

Я несколько задержался по делу; было уже около семи часов, когда я вернулся на улицу Бэкер. Подходя к дому, я заметил у подъезда в свете висячего фонаря высокого человека в шотландской шапочке и пальто, наглухо застегнутом до самого подбородка. Дверь отворилась как раз в ту минуту, как я подошел, и мы вместе вошли в квартиру Холмса.

— Мистер Генри Бэкер, если не ошибаюсь? — сказал Холмс, поднимаясь с кресла и кланяясь посетителю с тем беззаботным и радушным видом, который он умел принимать, когда хотел. — Присаживайтесь поближе к огню, мистер Бэкер! Сегодня холодный вечер, а вы, кажется, переносите жару легче, чем холод. А, Ватсон! Вы пришли как раз во-время! Это ваша шляпа, мистер Бэкер?

— Да, сэр, несомненно моя.

Бэкер был высокий, широкоплечий человек с массивной головой, широким умным лицом и остроконечной каштановой с проседью бородкой. Красноватые щеки, красноватый нос и легкое дрожание его протянутой руки подтверждали догадку Холмса о его наклонностях. На нем был порыжевший, наглухо застегнутый сюртук с поднятым воротником; из рукавов торчали тощие кисти рук; ни манжет, ни белья на нем не было видно. Он говорил тихо и отрывисто, старательно подбирая слова, и вообще производил впечатление человека образованного и интеллигентного, но сильно потрепанного жизнью.

— Мы на несколько дней задержали эти вещи у себя, — сказал Холмс, — так как ждали вашего объявления с указанием адреса. Не понимаю, почему вы не дали объявления!

Посетитель сконфуженно усмехнулся.

— У меня нынче не так много шиллингов в кармане, как в былые времена, — заметил он. — Я был уверен, что напавшие на меня хулиганы утащили и шляпу и гуся. Чего же ради тратить попусту деньги на поиски?

— Вполне естественно. Кстати, ваш гусь... Мы принуждены были съесть его.

— Съесть? — Наш посетитель в волнении приподнялся с кресла.

— Да. Если бы мы этого не сделали, то он бы все равно испортился. Но я полагаю, что вот эта птица на буфете, примерно того же веса и совершенно свежая, может вполне заменить вам вашего гуся.

— О, конечно, конечно! — ответил мистер Бэкер со вздохом облегчения.

— Но у нас зато остались перья, лапки, зоб и потроха, так что, если хотите...

Бэкер расхохотался от всей души.

— Они могли бы иметь для меня ценность разве только как память о моем приключении, — сказал он. — Право, не знаю, на что они мне — эти бездыханные останки моего недавнего приятеля. Нет, сэр, с вашего позволения, я сосредоточу все мое внимание на превосходной птице, красующейся на буфете.

Шерлок Холмс быстро взглянул на меня и слегка пожал плечами.

— Вот вам птица и вот вам котелок, — сказал он. — Кстати, не скажете ли вы мне, где вы достали вашего гуся? Я большой любитель птицы и, должен признаться, впервые видел такой откормленный экземпляр.

— Извольте, — сказал Бэкер, который тем временем встал и взял подмышку свою вновь обретенную собственность. — Я и кое-кто из моих приятелей — завсегдатаи харчевни «Альфа» близ Британского музея. Дело в том, что днем нам приходится бывать в музее. В этом году хозяин харчевни — отличный человек, по фамилии Виндигэйт, — основал «гусиный клуб». Мы платим ему несколько пенсов в неделю и за это получаем к рождеству каждый по гусю. Я аккуратно вносил свой пай, а остальное вам известно. Я крайне обязан вам, сэр, так как шотландская шапочка не идет ни к моим годам, ни к моему положению.

С комически-торжественным видом он отвесил нам глубокий поклон и ушел во-свояси.

— Итак, с мистером Генри Бэкером мы покончили, — сказал Холмс, притворив за ним дверь. — Совершенно очевидно, что он ни о чем понятия не имеет.

Он поклонился нам с комически-торжественным видом.

— Вы голодны, Ватсон?

— Не очень.

— В таком случае предлагаю вам превратить обед в ужин и, не откладывая дела в долгий ящик, отправиться по горячим следам.

— Охотно!

Был морозный вечер, мы надели теплые пальто и закутали шеи шарфами. Звезды холодно сияли в безоблачном небе, и дыханье вылетало у прохожих изо рта клубами пара, похожими на дымки от пистолетных выстрелов. Наши каблуки гулко и четко стучали по тротуару. Мы прошли несколько улиц и через четверть часа очутились в Блумзбери перед харчевней «Альфа» — скромным заведением на углу одной из улиц, ведущих в Холборн. Холмс толкнул дверь, подошел к стойке и заказал краснолицему трактирщику в белом переднике две кружки пива.

— Пиво ваше должно быть превосходным, если оно так же хорошо, как ваши гуси, — сказал он.

— Мои гуси? — удивился трактирщик.

— Да. Всего полчаса назад я беседовал с мистером Генри Бэкером, членом вашего гусиного клуба.

— Ага! Понимаю. Но дело в том, что гуси-то не наши.

— Вот как! Чьи же они?

— Я купил две дюжины у одного торговца в Ковент-Гардене.

— Да что вы? Я кое-кого там знаю. У кого же именно?

— Его зовут Брекинридж.

— Нет, такого не знаю. Ну-с, за ваше здоровье, хозяин, и за процветание вашего заведения! Спокойной ночи!

— А теперь к мистеру Брекинриджу, — сказал Холмс, выходя на мороз и застегивая пальто. — Помните, Ватсон, что если на одном конце этой цепи мы имеем столь невинную вещь, как гусь, то к другому концу ее прикован человек, которому, наверно, дадут семь лет каторги, если мы не докажем его невиновности. Возможно, что наши розыски только подтвердят его вину, но во всяком случае мы поймали нить,

ускользнувшую от полиции и совершенно случайно попавшую в наши руки. Дойдем же, держась за нее, до конца, каков бы он ни был. Итак, поворот на юг и — шагом марш!

Мы пересекли Холборн, прошли по улице Энделл и по лабиринту грязных трущоб вышли к Ковент-гарденскому рынку.

На одном из самых больших ларьков этого рынка красовалась вывеска «Брекинридж», и сам хозяин, человек с лошадиным лицом и выхоленными бакенбардами, помогал мальчику запирать ставни.

— Добрый вечер. Каков морозец? — сказал Холмс.

Торговец кивнул и вопросительно поглядел на моего спутника.

— Гуси, видать, все распроданы, — продолжал Холмс, указывая на пустой мраморный прилавок.

— Завтра утром могу доставить вам пятьсот штук.

— Завтра они мне уже будут ни к чему.

— Вон в той лавке, где светло, еще кое-что осталось.

— Нет, меня направили именно к вам.

— Кто?

— Хозяин «Альфы».

— А! Я отослал ему две дюжины.

— Отличные птицы! Откуда вы их достаете?

К моему удивлению, этот вопрос привел торговца в бешенство.

— А ну-ка, мистер, — сказал он, подняв голову и скрестив руки на груди, — куда вы клоните? Выкладывайте напрямик!

— Да я и выкладываю напрямик. Я хочу знать, кто вам доставил гусей, которых вы продали в «Альфу»?

— А вот я и не скажу, и дело с концом.

— И не надо! Пожалуйста! Только я не понимаю, отчего вы кипятитесь из-за таких пустяков?

— Кипячусь? Еще бы не кипятиться, когда к тебе так пристают! Я плачу хорошие деньги за хороший товар, и, казалось бы, дело с концом. А тут извольте: «Где гуси?», да «Кому вы продали гусей?», да «Сколько вы возьмете за этих гусей?» Можно подумать, свет

клином сошелся на этих гусях, такой вокруг них подняли шум.

— Я не имею ничего общего с теми людьми, что пристают к вам с расспросами, — небрежно сказал Холмс. — Не хотите говорить, и не надо, — пари не состоится, и все тут. Но, когда дело касается домашней птицы, вы меня с толку не собьете, и я готов ответить шестью шиллингами, что гусь, которого я ел, был деревенский.

— Ну, вот и просадили шесть шиллингов, — вашего гуся откормили в городе, — выпалил торговец.

— Ничего подобного!

— А я говорю — в городе.

— Ни за что не поверю!

— Уж не думаете ли вы, что вы в этом деле понимаете больше меня? Я чуть не с пеленок ими торгую! Говорю вам, вся партия, отправленная в «Альфу», была выкормлена в городе.

— Вы никогда меня в этом не убедите.

— Значит, пари?

— Прямо неловко забирать у вас деньги. Я ведь знаю, что я прав. Но, чтобы проучить вас за упрямство, я готов поставить соверен [1].

Торговец злобно фыркнул.

— Принеси-ка мне книги, Билль, — сказал он.

Мальчик принес тощую тетрадку и огромную засаленную книжищу и положил их на прилавок под висячей лампой.

— Ну-с, господин спорщик, — сказал торговец, — я думал, что на сегодня покончил с гусями, но, как видно, у меня в лавке еще остался один гусь лапчатый. Видите эту тетрадку?

— Ну?

— Это список тех, у кого я покупаю. Видите? Ну, так вот, на этой странице — фамилии деревенских поставщиков, а цифры после фамилий обозначают страницы в большой книге, где ведутся их счета. Так. А эту страницу с красными чернилами видите? Это

---

[1] Соверен — золотая монета, равная одному фунту стерлингов (около 10 рублей).

список моих городских поставщиков. Теперь взгляните-ка на третью фамилию сверху. Прочтите ее вслух.

— «Миссис Окшот, улица Брикстон, 117—248-я стр.», — прочел Холмс.

— Совершенно верно. Теперь найдите-ка страницу двести сорок восьмую в большой книге.

Холмс раскрыл книгу на указанной странице.

— Пожалуйста: «Миссис Окшот, улица Брикстон, 117 — дичь и яйца».

— Теперь прочтите последнюю запись.

— «22 декабря. Двадцать четыре гуся по семи шиллингов шесть пенсов».

— Верно. А внизу?

— «Проданы м-ру Виндигэйту, «Альфа», по двадцать шиллингов».

— Ну, что вы теперь скажете?

Шерлок Холмс казался глубоко опечаленным. Он достал из кармана соверен, бросил его на прилавок и вышел с видом человека, не находящего слов от возмущения. Пройдя несколько шагов, он остановился под фонарем и рассмеялся своим веселым беззвучным смехом.

— Если вы встретите человека с такими бакенбардами и торчащим из кармана красным платком, заключайте с ним пари на что угодно, — сказал он. — Если бы я выложил перед ним сотню фунтов, этот человек не дал бы мне таких подробных сведений, какие я вытянул из него благодаря пари. Ну, Ватсон, я думаю, что мы подходим к концу. Единственное, что нам остается, — решить, пойдем ли мы к этой миссис Окшот сегодня же, или отложим этот визит до завтра. Судя по тому, что нам сказал этот самодур, в этом деле, кроме нас, заинтересован еще кое-кто, и я...

Громкий шум, донесшийся из лавки, которую мы только что покинули, не дал Холмсу договорить. Обернувшись, мы увидели маленького человечка с крысиным лицом, стоявшего в желтом свете качающейся лампы, и торговца Брекинриджа, яростно грозившего ему кулаками с порога лавки.

— Довольно с меня вас и ваших гусей! — орал он.—

Провалитесь вы все к дьяволу! Если кто-нибудь из вас еще раз сунется ко мне с дурацкими вопросами, я спущу на него собаку. Приведите ко мне миссис Окшот, и я ей отвечу. А вы-то тут при чем? У вас я, что ли, купил этих гусей?

— Нет, но один из них принадлежал мне, — захныкал человечек.

— Так и спрашивайте его с миссис Окшот!

— Она сказала, чтобы я спросил у вас.

— Спрашивайте у прусского короля! Хватит с меня! Вон отсюда!

Он яростно ринулся на маленького человека, но тот уже скрылся во мраке.

— Ага, кажется, нам не придется итти на улицу Брикстон, — шепнул Холмс. — Идем! Посмотрим, не пригодится ли нам этот тип.

Пробираясь между кучками ротозеев, столпившихся у освещенных витрин, мой спутник вскоре догнал маленького человека и положил ему руку на плечо. Тот порывисто обернулся, и при свете газового фонаря я заметил, как краска сбежала с его лица.

— Кто вы такой? Что вам от меня нужно? — спросил он дрожащим голосом.

— Прошу прощенья, — ласково сказал Холмс, — но я случайно слышал, как вы только что расспрашивали торговца. Я думаю, что мог бы вам быть полезен.

— Вы? А кто вы такой? Что вы знаете?

— Меня зовут Шерлок Холмс. Моя профессия — знать то, чего не знают другие.

— Но об этом деле вы ничего не можете знать.

— Извините, я знаю все. Вы пытаетесь напасть на след гусей, проданных миссис Окшот с улицы Брикстон торговцу по имени Брекинридж, им. в свою очередь, — мистеру Виндигэйту, владельцу «Альфы», а тем — гусиному клубу, членом которого состоит мистер Генри Бэкер.

— О, сэр, именно вас я жаждал встретить! — воскликнул маленький человек, протягивая к Холмсу дрожащие руки. — Я не могу выразить, как все это для меня важно.

— Вон отсюда! — крикнул Брекинридж.

Шерлок Холмс остановил проезжавшего извозчика.

— В таком случае мы лучше поговорим в уютной комнате, чем тут, на рыночной площади, на ветру, — сказал он. — Но прежде чем мы отправимся в путь, скажите, пожалуйста, кому я буду иметь удовольствие помочь.

Человечек одно мгновение колебался.

— Меня зовут Джон Робинсон, — ответил он, отводя глаза.

— Нет, нет, настоящее имя, — ласково сказал Холмс, — неудобно делать дела под чужим именем.

На бледных щеках незнакомца вспыхнул румянец.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Мое настоящее имя — Джеймз Райдер.

— Вот, это так. И вы служите в отеле «Космополитэн». Садитесь, пожалуйста, в кэб [1]. Очень скоро я расскажу вам все, что вы пожелаете знать.

Маленький человек не трогался с места, глядя то на меня, то на Холмса глазами, полными страха и надежды; он не был уверен, что́ его ждет: неожиданная удача или катастрофа. Наконец, он сел в кэб, и через полчаса мы уже были на улице Бэкер. По дороге не было сказано ни слова, но частое, прерывистое дыхание нашего спутника, то сплетавшего, то расплетавшего пальцы, говорило о его нервном состоянии.

— Вот мы и дома, — весело сказал Холмс, вводя нас в комнату. — Приятно видеть камин в такую погоду. Вы, я вижу, озябли, мистер Райдер. Садитесь, пожалуйста, вот в это плетеное кресло. Я только надену домашние туфли, а потом мы займемся вашим дельцем. Ну, вот! Так вы желаете знать, что сталось с теми гусями?

— Да, сэр.

— Или, вернее, с тем гусем? Вы ведь, если не ошибаюсь, интересовались именно одним гусем — белым с черной полосой на хвосте?

Райдер затрясся от возбуждения.

— О, сэр! — вскрикнул он. — Вы мне можете сказать, куда он попал?

---

[1] Кэб — экипаж в Англии.

— Он попал сюда.

— Сюда?

— Да, сюда, и при этом оказался прямо-таки диковинной птицей. Я не удивляюсь, что вы им так интересовались. Скончавшись, он снес яичко — прелестнейшее сверкающее голубое яйцо. Оно здесь, в моем музее.

Наш посетитель, шатаясь, встал на ноги и уцепился правой рукой за каминную доску. Холмс открыл несгораемый ящик и достал голубой карбункул, излучавший, точно звезда, холодный, яркий, искристый свет. Райдер смотрел на него с вытянувшимся лицом, не зная, что делать: потребовать ли камень обратно, или отречься от него.

— Игра проиграна, Райдер, — спокойно сказал Холмс. — Осторожнее, дружок, а то вы упадете в камин. Усадите его в кресло, Ватсон. У него нехватает нервов безнаказанно мошенничать. Дайте ему глоток бренди [1]. Так. Теперь он опять хоть немного похож на человека. Что за жалкая козявка!

Райдер шатался и чуть не падал с ног, но водка вызвала на его щеках слабый румянец, и он сел, глядя на своего обличителя полными ужаса глазами.

— У меня в руках почти все звенья вашего дела и почти все необходимые доказательства, так что вам немногое остается рассказать мне. Но все же для полной ясности следует знать и то немногое, что мне не известно. Вам приходилось слышать об этом камне, Райдер, — о голубом карбункуле графини Моркар?

— Мне сказала о нем Кэтрин Косэк, — промолвил Райдер надтреснутым голосом.

— Правильно. Горничная графини. И возможность столь неожиданно и столь легко разбогатеть оказалась слишком сильным искушением. Это случалось со многими людьми и получше вас. Вы, разумеется, не стали разбираться в средствах. Мне кажется, Райдер, что у вас есть все задатки отъявленного негодяя. Вы знали, что этот паяльщик Хорнер был однажды замешан в

---

[1] Бренди — крепкий спиртной напиток.

подобном деле и что подозрение неминуемо падет на него. Что же вы сделали? Вы со своей сообщницей Косэк испортили какую-то мелочь в комнате графини и устроили так, чтобы туда вызвали Хорнера. Затем, когда тот ушел, вы взломали футляр, подняли тревогу и отдали беднягу в руки полиции. Потом...

Райдер внезапно сполз на ковер и обхватил колени моего друга.

— Ради бога, сжальтесь надо мной! — взвизгнул он. — Подумайте о моем отце, о моей матери! Это убьет их. Я никогда раньше не сбивался с пути. Это никогда не повторится. Клянусь вам! О, не предавайте меня суду! Ради Христа, не надо!

— Садитесь на место, — сурово сказал Холмс. — Вам ничего не стоит сейчас ползать и молить о пощаде. А подумали ли вы о бедняге Хорнере, попавшем в тюрьму за преступление, которого он не совершал?

— Я уеду, мистер Холмс. Я покину Англию, сэр. Тогда обвинение против него отпадет.

— Гм... Мы об этом еще поговорим. А теперь расскажите-ка нам откровенно, как дальше развернулось дело. Как камень попал в зоб к гусю и как гусь попал на рынок. Говорите только правду — это для вас единственный путь к спасению.

Райдер провел языком по пересохшим губам.

— Я расскажу вам все, как было, — сказал он. — Когда арестовали Хорнера, я решил, что мне лучше всего поскорее убраться из отеля вместе с камнем. Мало ли что... вдруг полиции взбредет в голову обыскать меня и мою комнату. Во всем отеле не было места, где я мог бы спрятать камень. Я вышел на улицу, как будто по делу, и направился к моей сестре. Она замужем за человеком по имени Окшот, живет на улице Брикстон и занимается тем, что откармливает домашнюю птицу на продажу. По дороге каждый встречный казался мне полицейским или сыщиком, и, хотя вечер был морозный, пот катился с меня градом. когда я добрался до улицы Брикстон. Сестра спросила, что со мной случилось, почему я так бледен. Я сказал, что потрясен кражей драгоценного камня в нашей гостини-

це. Потом я пошел на задний двор, закурил трубку и стал гадать: как мне быть дальше?

У меня был один приятель, некто Модсли, который сбился с пути и только что отбыл наказание в Пентонвильской тюрьме. Как-то раз мы с ним встретились и разговорились о разных уловках воров и как они сбывают проданное. Я знал, что он меня не выдаст, так как мне было кое-что о нем известно. Я решил итти прямо к нему в Килбурн и открыть ему мою тайну. Он научит меня, как превратить камень в деньги. Но как я доберусь в Килбурн с камнем? Я вспомнил весь ужас, пережитый мной, когда я выходил из отеля. Меня в любую минуту могут схватить, обыскать и найти камень в моем жилетном кармане. Я стоял, прислонясь к стене и глядя на гусей, бродивших у моих ног, и вдруг меня осенила мысль, как обмануть самого ловкого сыщика на свете.

За несколько недель до этого моя сестра сказала мне, что я могу отобрать себе в виде рождественского подарка любого из ее гусей, и я знал, что слово ее нерушимо. Я решил тут же на месте отобрать себе гуся и унести в нем камень. На дворе был маленький сарай, и за этот сарай я загнал славную большую птицу, белую с полосатым хвостом. Я поймал гуся, открыл ему клюв и засунул камень как можно глубже в горло. Гусь глотнул, и я ощутил пальцами, как камень скользнул по его горлу в зоб. Но тут гусь стал биться, хлопать крыльями, и на шум вышла моя сестра. Я обернулся к ней, и гусь вырвался из моих рук и вернулся к своим собратьям.

— Что ты делал с птицей, Джем? — спросила сестра.

— Ты, — говорю я, — обещала подарить мне гуся к рождеству, и я пробовал, который из них пожирнее.

— О, — говорит она, — мы тебе уже отобрали гуся. «Гусь Джема» — так мы его и зовем. Вон тот, большой, белый. Их всего двадцать шесть штук; один тебе, один нам, а двадцать четыре на продажу.

— Спасибо, Мэгги, — говорю я, — но если тебе все равно, я хотел бы иметь того, которого я только что держал в руках.

— Твой на три фунта тяжелее, — говорит она.

— Это ничего не значит. Я хочу именно того и сейчас же возьму его с собой, — говорю я.

— Как тебе угодно, — говорит она, чуть надувшись. — Которого ты хочешь?

— Вон того, белого, с полосатым хвостом, в самой середине стада.

— Пожалуйста! Зарежь его и бери с собой.

Так я и поступил, мистер Холмс, и понес птицу в Килбурн. Я рассказал моему приятелю о том, что я сделал, — он был из тех, кому такие вещи нетрудно рассказывать. Он хохотал до упаду, а потом мы взяли нож и вскрыли гуся. У меня остановилось сердце: камня не было. Я понял, что произошла какая-то страшная ошибка. Я бросил гуся, помчался обратно к сестре и шмыгнул на задний двор. На дворе не было ни одной птицы.

— Где гуси, Мэгги? — крикнул я.

— Отправлены торговцу.

— Какому торговцу?

— Брекинриджу, на Ковент-гарденский рынок.

— А был у тебя другой гусь с полосатым хвостом? — спросил я. — Такой же, как тот, которого я выбрал.

— Да, Джем, их было два с полосатыми хвостами. Я никак не могла отличить их друг от друга.

Тут я, конечно, понял все и побежал со всех ног к этому самому Брекинриджу, но он уже продал всю партию и ни за что не хотел мне сказать, кому именно. Вы сами слышали наш разговор. Так он мне отвечал все время. Моя сестра решила, что я сошел с ума. Порой мне это самому кажется. И вот... и вот я презренный вор, хоть я и не прикоснулся к тому богатству, ради которого погубил себя. Что мне делать? Что мне делать?..

Он судорожно зарыдал, закрыв лицо руками.

Наступило долгое молчание, прерываемое только тяжелыми вздохами Райдера.

Вдруг мой приятель встал и широко распахнул дверь.

— Вон отсюда! — сказал он.

— Как, сэр?.. О, да благословит вас небо!

— Ни слова больше. Вон отсюда!

Больше слов и не было сказано. Внизу хлопнула дверь, с улицы донесся топот.

— В конце концов, Ватсон, — сказал Холмс, протягивая руку за глиняной трубкой, — я не обязан исправлять ошибки полиции. Если бы Хорнеру угрожала опасность, тогда другое дело, но этот тип не будет выступать свидетелем против него, и все обвинение рухнет. Возможно, я совершаю преступление, но скорее, все-таки, — спасаю душу. Этот парень больше не свихнется. Слишком уж он напуган. А посадите его теперь в тюрьму, — он превратится в отпетого преступника. Случай столкнул нас с очень забавной задачей. Разрешение ее — само по себе награда. Если вы будете любезны протянуть руку к звонку, доктор, то мы сейчас займемся другим исследованием, в котором главную роль будет играть тоже птица.

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Отв. редактор Е. СТРОГОВА
Худож. редиктор В. ПАХОМОВ
Техн. ред. И. СЕМЕНОВСКАЯ
Отв. корректор Е. ВИЛЬТЕР
Сдано в производство 7/V 1937 г.
Подписано к печ. 4/VIII 1937 г.
Формат 84×118 1/32. 2 1/4 печ. листа
(1,8 уч.-авт. л.)
Детиздат № 1337. Индекс Д-7
Уполномоч. Главлита Б-25856
Тираж 100 300 Заказ 647

Фабрика детской книги издательства детской литературы
ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сущевский вал, 49.

Цена 50 коп.

ЦК ВЛКСМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

РАССКАЗЫ ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

1. Г. ФЛОБЕР — Простая душа
2. А. ДОДЭ — Письма с моей мельницы
3. П. МЕРИМЕ — Таманго
4. Гюи де-МОПАССАН — В море
5. А. ФРАНС — Крэнкбиль
6. Ч. ДИКЕНС — История дяди торгового агента
7. О. УАЙЛЬД — Преданный друг
8. Р. КИПЛИНГ — Слоновый Тумай
9. Р. КИПЛИНГ — Мятежник Моти Гадж
10. Г. УЭЛЛС — На дне океана
11. Г. УЭЛЛС — Остров Эпиорниса
12. КОНАН-ДОЙЛЬ — Голубой карбункул
13. М. ТВЭН — Рассказы: „Голубые сойки“, „Прыгающая лягушка“, „Как я редактировал сельскохозяйственную газету“.
14. Дж. ЛОНДОН — Мексиканец
15. Дж. ЛОНДОН — Любовь к жизни
16. БРЕТ ГАРТ — Маленький старатель
17. О. ГЕНРИ — Вождь краснокожих
18. В. ИРВИНГ — Рип Ван Винкль
19. ГОФМАН — Мастер Мартин и его подмастерья
20. МУЛЬТАТУЛИ — Саиди и Адинда